

В Л А Д И М И Р

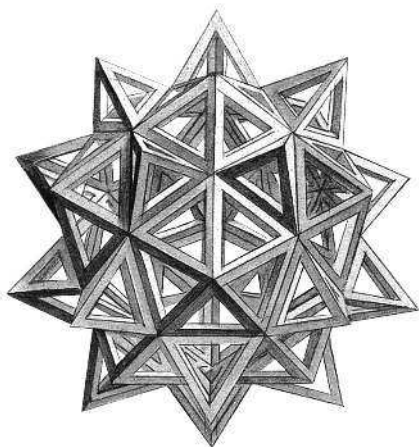
МАКАНИН

В Л А Д И М И Р

МАКАНИН

Антиутопия

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М15

Оформление серии *Петра Петрова*

Издательство выражает благодарность
Наталье Саниной за помощь в приобретении прав

Маканин, Владимир Семенович.

М15 Антиутопия / Владимир Маканин. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Проза современ-
ного классика Владимира Маканина).

ISBN 978-5-04-092178-2

«Антиутопия» — уникальная авторская антология, собран-
ная Владимиром Маканиным из собственных текстов, создан-
ных в разные периоды творчества и объединенных темой судь-
бы человека во враждебном ему тоталитарном обществе.

В рассказах и повестях антологии Маканин предстает
условным реалистом — на манер Виктора Пелевина, загляды-
вающим за край действительности, как древний путешествен-
ник — за край карты в поисках новых земель. Не фантастика,
но и не правда жизни. Как будто открыли форточку в темную
ночь, и пугающий холод потустороннего проник под кожу.

Имена Замятина, Платонова, Оруэлла, Хаксли, Балларда
возникают в памяти сразу при чтении «Антиутопии». Эта не-
обычная жанровая книга — не характерная для Маканина —
открывает новую грань таланта известного писателя.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маканин В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092178-2

СЮР В ПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНЕ

Повесть

СЮР

Человека ловила огромная рука. Человек этот, слесарь Коля Шуваев, работал в заводской мастерской — скромный слесарек, обычный, не выпивающий часто.

Возвращаясь с завода, рабочие довольно долго ехали в переполненном троллейбусе, а уже на троллейбусной остановке расходились кто куда — Коля поворачивал к общежитию; и там, где ему входить в свою общагу, в подъезд № 3, он оставался на какую-то минуту один. В эту минуту огромная (такая, что Коля мог весь уместиться в ее ладони) рука вдруг хватала его. Коля вырывался, шмыгал в подъезд и бегом, бегом, с колотящимся сердцем подымался к себе на второй этаж.

В их подъезде за входной дверью имелся как бы предбанник, незанятый пяточок пространства, а уже за ним вторая входная дверь вела непосредственно внутрь. Тем самым в предбаннике слева сам собой образовался пустой угол, который, конечно, использовался — там стояли лопаты, метла, а в эти дни туда прибавились после демонстрации флаги, которые парни поставили там наспех на пару дней и которые затем следовало вернуть в

профком. Лопаты, метла, а теперь еще и скрученные флаги от частого хлопанья дверью сползали, лежали на полу поперек, и Коля каждый раз боялся, что на бегу споткнется.

Перепрыгивая сползшие лопаты, он стремительно распахивал входную дверь, а рука гналась за ним. Не сумев схватить, рука успевала своим здоровенным пальцем больно поддать Коле в задницу или в спину, словно бы бревном; после такого удара слесарек вбегал по ступенькам вверх, как будто им выстрелили из пушки. Но дома он был уже в безопасности.

Впрочем, в последнее время оказалось, что в собственной комнате ему тоже надо быть осмотрительным. У Колиной подружки Клавы была здоровая привычка спать с открытым настежь окном. (Крепко сбитая женщина, молодая, повар по профессии, много часов возле жаркой плиты — ей даже ночью казалось, что в комнате душно. Коля, напротив, ночью зяб.) В ту ночь Клаву мучила жажда; вероятно, она проснулась, пила воду и вновь открыла окно. Но, может быть, он и сам попросту забыл прикрыть.

Среди ночи Коля почувствовал, что его давят. Он подумал, что Клава, повернувшись во сне, неловко придавила его плечом, но нет, Клава спала отодвинувшись, спала от него чуть в стороне (раскинулась там от жары). И тут же Коля почувствовал, как его придавили огромные два пальца. Рука не могла пролезть в окно, но два своих пальца просунуть вполне могла и ими (каждый палец как подвижное короткое бревнышко) искала его, нащупывала в постели. Вскочив, Коля, схватил первое, что попало ему под руку (Клавин зонтик, с

которым она пришла), и ударил, а затем ткнул в один из огромных пальцев. Зонтик не игла, но все-таки достаточно остер, и ткнул им Коля с большой силой и яростью. Нашаривающие пальцы отдернулись. От боли огромный палец подсогнулся и стал уползать в открытое окно, за ним и второй. Рука убралась. Коля стоял у окна. Он еще подрагивал. Он выкурил сигарету, выдыхая дым в ночное окно, и лег наконец снова в постель рядом с Клавой, которая в темноте белела большим своим телом. Слесарек лег к ней ближе и, не в силах себя унять иначе, стал ее обнимать, немного тискать, одной рукой ворошил груди, другую запустил вниз. «Да ну тебя, Колька! Дай же покоя!..» — ворчала она, потом уступила, продолжая спать. Он заснул только под самое утро. Лежал на боку, глаза открыты, думал — как же быть?..

Рука подстерегла его в обеденный перерыв (он выскочил из мастерской, чтобы забежать в гастроном — у магазина полно народу). Купив, Коля решил, что с продуктами он забежит сначала к себе в общагу, забросит их в холодильник. Но на улице он оказался один. День солнечный, обеденное время, а вот ведь ни души. И непонятен был тот миг и переход (никакого особого мига и перехода тут и не было), когда рука вдруг упала сверху и, прихватив Колю кончиками огромных пальцев, стала душить, сдавливая грудную клетку и перебираясь через его плечи уже к горлу. Взвизгнув, слесарек вырвался, толщ пальцев и некоторая их неповоротливость дали ему возможность ускользнуть посреди пустой

улицы. Коля припустил бегом, влетел в общежитие и, прыгая через несколько ступенек, к себе на этаж — в комнату. Десяток купленных яиц был почти весь раздавлен. Буханка свежего хлеба смялась в лепешку, масло (дефицит тех лет) расплющилось и через лопнувшую обертку заляпало и сумку, и левый бок его рубашки. (Вечер — это понятно. Но вот так откровенно, среди бела дня рука никогда прежде не нападала.) Коля минут десять не мог сладить с нервами.

Однако надо было идти в мастерскую. Коля топтался у выхода, ждал, курил, и, только когда сразу трое или четверо ребят, пообедав, повалили из общежития на работу, он пошел вместе с ними. На работе было спокойно. Сдельщики работали не покладая рук. В мастерской Коля поднял валявшийся там металлический штырь. Штырь был полуметровый, довольно тонкий, но в конце рабочего дня Коля дополнительно заточил его на всякий случай. Взял с собой. Ничего. Мало ли куда и зачем идет слесарь с металлическим штырем.

После работы он зашел к Клаве в столовку, их столовой на ужин выделили сердце да кровь. А мясо, видно, уплыло куда-то на сторону (в чем и доход). «Ишь, внимательный: мясца свежего захотел! Убоинки, а?» — засмеялись поварихи. А Коля ничего не хотел. Просто сказал, что думал. Он сел поодаль, ждал Клаву.

Две большие плиты, а значит, восемь конфорок, поварихи заняли их одновременно — в восемь сковород на огне (в шесть темных, чугунных, послуживших уже лет сто, и в две белые легкие,

вполне современные) наливали для жарки кровь. Клава черпала в ведре большой деревянной ложкой и, не выплескивая, осторожно выливала кровь, заполняя каждую сковороду примерно на треть. Вторая повариха рубила лук. Кровь, как известно, лучше жарить с луком, все-таки вкус крови не так шибает в нос. «Но зачем отбивать вкус? Вдруг кто-то любит со вкусом», — говорила вторая повариха. «С луком лучше», — отвечала Клава, продолжая зачерпывать и разливать. Кровь в черные чугунные сковороды вливалась неприметно, как в темноту, а в две другие лилась, ало закрашивая белое дно; от кача сковороды кровь отступала волной, и белизна дна вновь обнажалась.

«Где твой слесарек? Чего скучает?!» — спросили Клаву разговорчивые поварихи, после чего Коле, сидевшему без дела, конечно же подсунули порубить сердце на все восемь сковородок. Клава вынимала сердце той же деревянной ложкой — громоздкое, скользкое и все в стекающей крови. На четыре части рубить было легко, но развалить надвое каждую четвертинку уже надо было стараться. Нож был не слишком остер, куски отползали, но в конце концов Коля порубил достаточно мелко, и вторая повариха, подхватив, ссыпала куски туда и сюда. Плюхнувшись на сковородку, куски немедленно погнали кровь от края к краю мелкими волнами. Огонь сделали сильнее, пошел запах. Стояло легкое марево. И как только дверь на кухне распахивалась, марево со всех восьми сковородок клонилось в одну и ту же сторону. Дверь прикрывали, и опять кровь курилась ровно; как восемь

озер, спокойных и неподвижных, думал слесарек с некоторым интересом.

Пламя сделали жарче, и кровь сворачивалась. Пузыри лопались, пригорая. Восемь озер, как восемь полей сражений, задымились, заволоклись гарью, и было похоже, что после ружейной пальбы вступили наконец в дело пушки.

Час, если не больше, просидел Коля в ожидании, но, когда пришел шеф-повар, выяснилось, что работа в столовой не кончена — девочки остаются, Клава в их числе. Приехали ведомственные деятели: надо кормить. Деньги последнее время даются с трудом. Да, да, снова варить вермишель и рис обязательно, они любят рис. Шеф-повар принес два здоровенных куса говядины, нашлось-таки мясо, сделайте, девочки, им по бифштексу, только не слишком старайтесь, когда будете нарезать порции!

И шеф засмеялся:

— Чтобы нам самим тоже мясо осталось. Понятно?

Было понятно.

Готовить начали заново, дело предстояло долгое (Клава сказала, чтобы Коля ее не ждал — она припозднится, но к ночи, конечно, придет). Коля ушел. Он долго ехал в троллейбусе.

Возле дома было уже темно, и светила одна-единственная лампа над входом в общежитие. Коля уже прошагал темное пространство: все тихо. Он решил, что опасное позади. Он уже стал насвистывать, когда услышал шум воздуха, сильную воздушную волну.

Рука была тут как тут. В полутьме она, вероятно, потеряла Колю, но теперь, опередив его, стремительно влезла в открытую дверь общежития,

шарила там, засунув три огромных пальца (обычно ей удавалось просовывать два). Коля приготовил штырь, подумал, не ткнуть ли. Но не решился — боль придала бы руке активность и злость. Было проще проскочить меж шарящих пальцев (рука их то всовывала внутрь, то вновь медлительно вынимала — искала вслепую), и Коле бы, конечно, удалось, если бы он чуть смелее прыгнул.

Третий палец, хотя и мешал тем двум пальцам, шарившим в пространстве предбанника, однако тоже там елозил и загораживал. А когда Коля прыгнул, штырь, который он придерживал, каким-то образом в тесноте стал поперек пальцев; Коля запнулся, успел бросить штырь и успел даже проскочить в подъезд, но упал. Огромные пальцы тут же прихватили его за ногу, вытащили наружу, и здоровенный ноготь, овальное матовое зеркало, придвинулся прямо к его лицу. Затем Колино лицо стали вдавливать в это зеркало. Нос, брови, губы — все сплюснулось. Слесарек задергался, но к матовому огромному ногтю его лицо придавливали все сильнее. Пальцам мешали их собственные размеры, а Коля бился изо всех сил, дергался, молотил в воздухе ногами и в конце концов все-таки выскользнул. На четвереньках он бросился к входным ступенькам, в то время как рука, ища потерянное, возила здоровенными пальцами по асфальту совсем рядом. В этот миг Коля увидел свою кепку, упавшую с головы еще в самую первую минуту атаки, — с яростью он вдруг кинулся за кепкой, моя, мол, кепка, подхватил ее, а с ней схватил и штырь, лежавший рядом, и теперь, вооружась, колот и бил, и снова колот большое светло-серое мясо. Из синих ранок хлынули ручьи крови. Рука

замерла, пальцы болезненно отдернулись, а Коля, сколько мог сильно, уколол еще. Рука убралась из входа в общежитие — на этот раз она убралась рывком, а Коля в приливе смелости выскочил вслед, размахивая штырем как шпагой. Получив тут же удар, он рухнул в какую-то лужу возле входа, с него вновь слетела кепка.

Но уже миновало — рука убралась совсем. Коля встал. Он поднялся к себе в комнату и там, возле умывальника, смывал грязь с лица, с ободранных в падении колен. А хорошо, что я сунул ей штырем под ноготь, думал Коля, умываясь и все еще подрагивая.

Поговорить бы теперь, выпив пивка, с Валерой Тутовым — вот чего хотелось Коле. (Валера Тутов был смел, его любили бабы, он запросто общался с соседями-интеллигентами и вообще много чего в жизни знал или хотя бы слышал — к тому же они как-никак кореша. Друг — это друг.) Но Валера Тутов был далеко, был в отпуске. Так что в пустой вечер слесарьку Коле ничего не оставалось, как ждать свою Клаву. Коля вздохнул. Клавка тоже хороший человек — с Клавой они собирались пожениться.

Томясь, Коля пошел в общежитскую гостиную — длинную общую комнату на первом этаже, где телевизор и где уже рассаживались пришедшие с работы мужики, занимая места и возбужденно споря: ожидался футбол. Но на экране пока еще тянулись кадры пустыни, куда-то брели цепочкой верблюды, желтые пески лежали до самого горизонта. Кой с кем из мужиков Коля по-

здоровался, посидел с ними, посмотрел на перека-
тывающиеся с ветром по пустыне белые песчинки
(мало-помалу, песчинка к песчинке — так пере-
двигались целые барханы и заносили города!), но
потом он все же не усидел, заскучал и еще до
футбола вернулся в свою комнату, где лег ничком
на постель, ожидая Клаву. Клава теперь не скоро.
(Начальство любит поесть как следует и не спе-
ша.) Коля задумался уже о другом: он не знал, как
ему быть и как жить с этой вот гонящейся за ним
рукой. Не идти же к врачу. Врач заставит подроб-
но рассказывать. Врач запишет. Коля был простой
слесарь, но он, конечно, понимал, что сказать про
огромную руку — стыдно. Ведь черт знает что. Ну
как скажешь, хотя бы и Клавке?..

Он стал вспоминать, как началось. Вроде бы во
время обеда в столовой (в их заводской столовой)
он приострил взгляд и увидел у какого-то мужика
здоровенную правую руку. Когда присмотришься,
у всех мужиков правая рука сильнее. Да, хлебал
щи... А после (в тот же день) Коля увидел плакат.
Большущий и в ярких красках плакат: могучая тру-
довая рука расставляла там по всей нашей стране
то высокие дома, то детсады и школы, даже кра-
сивые кафе, а внизу подпись: ХОРОШО СТРО-
ИШЬ — ХОРОШО ЖИВЕШЬ! — так вполне по-
нятно и доходчиво призывал плакат строителей.
Рядом с тем плакатом стоял строительный кран,
настоящий, работающий кран (или, может быть,
позади плаката висел еще один большой плакат,
где строительный кран был нарисован? — в этом
Коля сомневался, он уже не помнит), а под стре-
лой крана на строительных лесах почти возведен-
ного высокого дома работали монтажники.

Там, на высоте (это он помнит), двое монтажников не поладили — отложив сварочные аппараты, оба они кричали, размахивали руками, и один из них вдруг оступися. (Либо он забыл закрепить строительный пояс, либо застежка пояса попросту не сработала.) С высоты строящегося дома сорвавшийся человек с криком летел вниз, скорость падения росла, крик замер, так что уже с пресекающимся дыханием человек падал на землю и несомненно бы разбился, как вдруг рука — вот та, огромная, которая высокие дома, школы и даже кафе расставляла по зеленому полю — подхватила и бережно так опустила сорвавшегося строителя на гору песка возле бетономешалки. Такая вот сильная рука... Коля заснул, не додумал мысль до конца.

— Чего ты спишь в такую рань?! — Клава пришла спустя, может быть, час. Она растолкала его, подняла. И как ни утомлена она явилась из дымной своей столовки, сказала, что хочет сегодня в кино — пойдём, пойдём, Колька, скорее...

Напяливая кепку и зевая, Коля сказал:

— Я и без того каждый день кино вижу.

Коля привыкал: выйдя, скажем, утром на улицу и заметив, что он посреди улицы в эту минуту один, скорым шагом преодолевал пустое место и торопливо выходил к троллейбусу. (Где на остановке всегда стояли люди и было безопасно.) Он приспособился быстро переходить, перебегать на другую сторону проулка ближе к школе, так как ограда школы состояла из железных стержней с нацеленными кверху остриями, и руке там (а рука всегда обрубивалась сверху)

приходилось вести себя сдержанно. Рука объявлялась мигом, она словно бы свешивалась с высоты соседнего дома, что в шестнадцать этажей, и падала стремительно вниз, растопыривая пальцы и уже с ходу этими пальцами ища и ловя, но Коля бежал, прыгал (он изворотливо бежал и ловко прыгал, как ускользящий маленький человечек). Делал ложные движения и нехитрые финты на укоротившемся проулке с тем расчетом, чтобы рука с маху налетела на столб фонаря, накололась на острие школьной ограды и отдернулась. (А он тем временем уже проскакивал к шумной улице, к остановке троллейбуса, где шел или стоял народ.)

Ночью Коля спал, в общем, спокойно, положив, однако, под кровать свой штырь. Если среди ночи окно оказывалось открыто и через сон он слышал возню шарящей огромной руки, то просыпался (Клаву не будил, даже слова не говорил), опускал свою руку с постели на пол, брал штырь и, сонный, едва разлепив глаза, наносил удар в один из пальцев, целя пониже овального матового ногтя. Рука убиралась восвояси, после чего Коля отворачивался к стене, продолжая прерванный сон. Жизнь есть жизнь, и, если какой-то вопрос никак не удастся решить, человек живет с этим вопросом бок о бок. Живет вместе с вопросом, вот и все. Ночь шла. Коля спал. Не услышавшая шума Клава тоже спала, как всегда, крепко.

Они налили себе еще по полстакана — Коля и компрессорщик Валера Туттов, вернувшийся наконец из отпуска.

— Мне всякая чушь мерещиться стала. Башка